

тельства жития св. Мефодия о том, что он склонял к крещению могущественного языческого князя на берегах Вислы, так же как и свидетельств о славянской проповеди в Польше, которые находятся в послании немецких епископов папе Иоанну IX в 900 г. и в каталоге краковских епископов XI в., но все же считает, что славянское богослужение в Польше не имело длительной традиции и не сыграло существенной роли в развитии польской средневековой культуры. Напротив, Гавранек доказывает, что кирилло-мефодиевская традиция должна была культивироваться в Краковской области уже в конце X в., когда эта область находилась под властью чешских Пржемысловичей. Должна она была существовать и в государстве Пястов, поскольку Мешко I женился на дочери Болеслава I Чешского и в 966 г. принял из Чехии христианскую веру. Из Чехии вместе со славянским богослужением должна была распространяться и славянская книга. Доказательством тому служит польская христианская терминология, которая в конце первой половины XI в. формировалась на базе чешской редакции старославянского языка, так же как и церковная песнь «Богородица» X или XI в., которая наряду с общим византийским характером содержит и характерные старославянизмы и чехизмы. Вопрос славянского богослужения в Польше в древнейшую эпоху несколько раз поднимался в последние годы и в связи с организацией польской церкви при Болеславе Храбром. В 1953 г. И. Уминский доказывал, что вторая польская митрополия при Болеславе Храбром пользовалась кирилло-мефодиевским обрядом.⁷⁶ Г. Пашкевич в 1954 г. в работе «The Origins of Russia» тоже доказывал существование кирилло-мефодиевской традиции в Польше в X и XI вв. Недавно Х. Квапишевский⁷⁷ снова привлек к этому вопросу свидетельства хроники Галла, Нестора и Кадлубека вместе с письмом принцессы Матильды Мешку II и славянской надписью на монете Болеслава Храброго и пришел к выводу, что славянская южнопольская митрополия с центром в Сандомирце хранила кирилло-мефодиевскую традицию до конца XI в. Известно, что славянское богослужение в Польше долго держалось в Тышецком монастыре, и А. И. Соболевский на основании фонетических данных предполагал, что там мог возникнуть перевод богослужебного текста, сохранившегося в Киевских глаголических отрывках.⁷⁸

Политические связи Руси с Чехией в X и XI вв. менее известны, чем русско-польские международные отношения той эпохи. Кроме того, что Нестор во введении говорит о соседних западнославянских племенах и о трудах славянских апостолов в Моравии, известного свидетельства летописи о торговых связях Руси с Чехией при Святославе и известия о Чехине, жене Владимира I, о его позднейших сношениях с чешским князем Удаальрихом, русские летописи подробнее говорят только о русском столкновении с чехами в 1076 г., когда русские князья помогали полякам в их войне с Чехией.⁷⁹ Не может быть сомнений, что в течение всего этого пе-

1956, стр. 300—305; см. также заметки А. Dostál'a: *Byzantinoslavica*, t. XX, N 1. Prague, 1958, стр. 198—199.

⁷⁶ I. Umiński. *Obrazek Słowiański w Polsce w IX—XI w. i zagadnienie drugiej metropolii w czasach Bolesława Chrobrego.* — *Roczniki Humanistyczne*, IV, f. 4. Lublin, 1953, стр. 1—44.

⁷⁷ H. Kwapiśzewski. *Zagadnienie metropolii słowiańskiej w Sandomierzu.* — *Malopolskie studia hist.*, I. Kraków, 1958, стр. 73—78.

⁷⁸ А. И. Соболевский. 1) К хронологии древнейших церковнославянских памятников. — *ИОРЯС*, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 1—19; 2) *Материалы и исследования...*, стр. 48—109; см.: Н. К. Гудзий. *Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы*, стр. 14—15.

⁷⁹ Русско-чешские политические и культурные связи полнее всего обследованы в труде А. В. Флоровского «Чехи и восточные славяне», т. 1 (Прага, 1935). Замеча-